

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 23

1982

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МОИ ГОДА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 23

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МОИ ГОДА

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1982

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Роберт Иванович Рождественский родился в 1932 году на Алтае в семье военнослужащего. Учился в Петрозаводском университете. В 1956 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Печататься начал в 1950 году. В 1955 году в Петрозаводске вышла первая книга поэта «Флаги весны».

Роберт Рождественский — автор более семидесяти стихотворных сборников, выходивших на русском языке, на языках народов СССР и за рубежом. Занимается публицистикой, пишет песни.

В 1972 году ему присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола, а в 1979 году — звание лауреата Государственной премии СССР.

За заслуги в развитии советской литературы и плодотворную общественную деятельность Роберт Рождественский награжден орденом Октябрьской Революции.

★ ★ ★

Что же такое
«мы»?

Мы —
из лесов безбрежных.
Мы —
из блокадной тьмы.
Мы —
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы —
из бессмертья.

Из
плоти твоей,
Россия!

Мы от свинцовых розг
падали в снег с разбега.
Но —

поднимались в рост,
звонкие, как победа!
Как продолжение дня,
шли
тяжело и мощно... Можно
убить
меня.

Нас
убить невозможно!..

Что же такое
«мы»?
Веря в пробужденье,
взяв у земли займы

силу
в момент рожденья,
мы ей вернем сполна
все,
что она давала.
Только б
была
она!

Лишь бы
существовала!
Мы проросли из нее,
будто трава степная...
Гибнет в печи смолье,
солнце напоминая...
Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно
убить
меня.

Нас
убить невозможно!

БАЛЛАДА О ЗЕНИТЧИЦАХ

Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу
этот след...
На батарее
были сплошь —
девчонки.

А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне...
В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне...
И старшая,
действительно старея,
как от кошмара заслонясь рукой,

скомандовала тонко:

— Батарея-а-а!

(Ой, мамочка!..

Ой, родная!..)

Огонь!..—

И—

залп!..

...И тут они

заголосили,

девчоночки,

запричитали всласть.

Как будто бы

вся бабья боль

России

в девчонках этих

вдруг отозвалась!..

Кружилось небо —

снежное,

рябое.

Был ветер

обжигаяще горяч.

Былинный плач

висел над полем боя,

он был слышной разрывов —

этот плач!..

Ему —

протяжному —

земля внимала,

остановясь на смертном рубеже.

— Ой, мамочка!..

— Ой, страшно мне!..

— Ой, мама!..—

И снова:

— Батарея-а-а!..—

И уже

пред ними

посреди земного шара,

левее безымянного бугра

горели

неправдоподобно жарко

четыре черных

танковых костра.

Раскатывалось эхо над полями,

бой

медленную кровью истекал...

Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам!
И падали.
И подымались снова.
Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.

Неслышанное:
«Ты моя — навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала...»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.

И то, чтоб закричать
в родильном
доме:
— Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне!!
И ласточку.
И дождик над Арбатом.
И ощущение
полной тишины...

...Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

* * *

Та зима была,
будто война, —
лютой.
Пробуравлена,
прокалена ветром.

Снег лежал,
навалясь на январь
грудой.

И кряхтели дома
под его весом.
По щербатому полу
мороз крался.
Кашлял новый учитель
Сергей Саныч.

Застывали чернила
у нас в классе.

И контрольный диктант
отменял завуч...

Я считал,
что не зря
голосит ветер,

не случайно
болит по утрам

горло,
потому что остались
на всем свете

лишь зима и война —
из времен года!..

И хлестала пурга
по земле крупно,
и дрожала река

в ледяном гуле.
И продышины в окнах цвели кругло,
будто в каждое

кто-то всадил
пулю!..

И надела соседка
платок вдовий.

И стонала она допоздна-поздно...
Та зима была,

будто война,— долгой.

Вспоминаю
и даже сейчас
мерзну.

* * *

Война откатилась за годы и гуды,
и горечь и славу

до дна
перебрав...

А пули
еще прилетают оттуда —
из тех февралей.
Из-за тех переправ.
А пули летят
из немыслимой дали...
Уже потускневшие капли
свинца
пронзают броню
легендарных медалей,
кромсая на части
живые сердца.
Они из войны прилетают недаром.
Ведь это оттуда,
из позавчера,
из бывших окопов
по старым солдатам
чужие
истлевшие
бьют
снайпера!
Я знаю, что схватка идет не на равных,
и нечем ответить
такому
врагу.
Но я не могу
уберечь ветеранов.
Я даже собой заслонить
не могу.
И я проклиная
пустую бравладу,
мне спать не дает
ощущенье вины...
Все меньше и меньше
к Большому театру
приходит
участников
прошлой войны.

МГНОВЕНИЯ

Не думай о секундах свысока.
Наступит время —
сам поймешь,
наверное:

свистят они,
                    как пули у виска,—
мгновения,
мгновения,
мгновения...
Мгновения спрессованы
                                    в года.
Мгновения спрессованы
                                    в столетия.
И я не понимаю иногда,
где —
                    первое мгновенье,
где —
                    последнее.
У каждого мгновенья —
                                    свой резон.
Свои колокола.
Своя отметина.
Мгновенья раздают
                                    кому — позор,
кому — бесславье,
а кому — бессмертие!
Из крохотных мгновений
                                    соткан дождь.
Течет с небес
печаль обыкновенная...
И ты порой
                                    почти полжизни ждешь,
когда оно придет —
твое мгновение.
Придет оно —
большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего...

А, в общем,
                    надо просто помнить долг.
От первого мгновенья
до последнего.

* * *

Неправда, что время уходит!
                                    Это уходим
  мы.

По неподвижному времени.
Мимо забытых санок
                        посреди сибирской зимы.
Мимо иртышских плесов
                        с ветром неповторимым.
Там, за нашими спинами,—
                        мгла с четырех сторон.
И одинокое дерево,
                        согнутое нелепо.
Под невесомыми бомбами —
                        заиндевший перрон.
Руки,
не дотянувшиеся
                        до пайкового хлеба.
Там, за нашими спинами,—
                        снежная глубина.
Там обожженные плечи
                        деревенеют от боли.
Над затемненным городом
                        песня:
                        «Вставай, страна-а!...»
«А-а-а-а...» — отдается гулко,
                        будто в пустом соборе...
Мы покидаем прошлое.
                        Хрустит песок на зубах.
Ржавый кустарник
                        призрачно топорщится у дороги.
И мы на нем оставляем
                        ключья отцовских рубрах
и надеваем синтетику,
вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
                        недолгие слезы жен.
Осатанелый полдень.
Грома неслышные гулы.
Больницы,
                        откуда нас вынесут.
                        Седенький дирижер.
И тромбонист,
облизывающий
                        пересохшие губы...
Дорога — в виде спирали.
                        Дорога — в виде кольца.

Но —
отобедав картошкой
или гречневой кашей —
историю Человечества
до собственного конца
каждый проходит по времени!
Каждый проходит.
Каждый.
И каждому — поочередно —
то солнечно,
то темно.
Мы измеряем дорогу
мерой своих аршинов.
Ибо уже установлено
кем-то давным-давно:
весь человеческий опыт
есть повторенье ошибок...
И мы идем к горизонту.
Кашляем.
Рано встаем.
Открываем школы и памятники.
Звезды и магазины...
Неправда, что мы стареем!
Просто —
мы устаем.
И тихо отходим в сторону,
когда кончаются силы.

БАЛЛАДА О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

(Центропункт — диспетчерская городской
медицинской службы)

Наверное, похожи номера.
А может,
техники недосмотрели.
Но только
незадолго до утра
я был разбужен
телефонной трелью...
— Скажите, это центропункт?
Алло?..
Алло!!
(Я трубку вешаю в молчанье.

Я даже не могу ответить зло.

Я сплю.

Я ничего не отвечаю...)

Звонок, и все сначала:

— Центропункт?

Опять ошибка?

Это невозможно!!

Сна не было уже.

А был испуг

пред всем, что непонятно

и тревожно...

Звонки ломились,

будто в дверь — плечом.

Как настоящий ветер —

в сновиденья...

— Аппендицит!..

— Да я-то тут при чем?!

— Потеря крови!..

— У кого потеря?!

По комнате шаталась темнота,

она была пугающе громадна...

— Ранение в районе живота!..

— Алло!

Необходим реаниматор!..

(валилась трубка

из дрожащих рук.)

— Открытый перелом!..

Нужна машина...

...Да погоди, не горячись.

А вдруг

все правильно.

И это не ошибка.

Тебе поверили.

Тебя нашли.

Узнали номер.

Выяснили имя...

Ты ж сам кричал,

что боли всей Земли

отныне станут

навсегда твоими!..

Что ж, если так,

то слово за тобой.

Барахтайся в нестихотворных темах.

Я хотел ее сделать самой улыбчивой!
И не смог.
Я над нею тряся.

Я ее так просил!
Я земле открывался.
Понял ее язык...
Ты прости отца.
У него не хватило сил
накормить голодных,
оживить убитых, обуть босых...

Мы —
всегда продолжение.
И я
не начал с нуля.
Мы —
всегда продолжение!
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой
твоя и моя земля.

В это верит отец!
И ты —
непрерывно —
верь!
Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной.
Что такое «светло» —
не знаешь.

Что такое «темно».
Что такое «весна».
(Хотя родилась ты
весной).
Что такое «снег».
(Хотя снега
полным-полно).
Целый час
ты живешь на планете...

Привыкай дышать.
Продолжай сопеть.
Начинай басить
с номерком на руке...

Даже имя свое
еще не можешь ты удержать
в малюсеньком,
почти невзаправдашном
кулачке.

ХИРОСИМА

Город прославился так:
вышел военный чудак,
старец
с лицом молодым.
«Парни, —
сказал он, —
летим!
Мальчики,
                    время пришло.
Дьявольски нам повезло!...»

В семь сорок девять утра
все было так, как вчера.
«Точка...—
вздыхнул офицер, —
чистенько
                    вышли на цель...»

В восемь двенадцать утра
сказано было:
                    «Пора!...»
В восемь пятнадцать,
                    над миром взлетев,
взвыл торжествующе
дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
похолодев.
Вздрагнули оба:
и «боинг»
и бог!..
Штурман воскликнул:
                    «Ой, как красиво!...»

В эту секунду
                    в расплавленной мгле
рухнули
все представления о зле.
Люди узнали,
                    что на Земле
есть Хиросима.
И нет Хиросимы.

**РАЗГОВОР О СНЕГЕ С СЕМИЛЕТНИМ КА САНОМ —
СЫНОМ СИНГАПУРСКОГО ПОЭТА ГО БО СЕНА**

Ка Сана море утомило.

Но он —

серьезный человек.

И —

проникая в тайны мира —

он просит:

— Расскажи про снег!

Я рисовал,

да не выходит.

Никак его я не пойму...

Он —

как мороженое?..

— Вроде...

— Не может быть!..

— Ну, почему?

Представь,

поверь такому чуду:

зимой у нас,

в моей Москве,

лежит мороженое всюду —

на улицах

и на траве,

и на деревьях,

и на крышах.

В любых дворах.

У всех дверей.

Для всех девчонок

и мальчишек.

А в зоопарке —

для зверей.

У нас оно зовется

«снегом».

Его

все государство ждет...

Идет

мороженое с неба.

Просторно,

сказочно идет.

Оно похрустывает слабо,

к прохожим

просится в друзья...

— А это сладко?..
— Очень сладко.
Так сладко,
что сказать нельзя...

Мой собеседник затихает.
Глядит
неведомо куда...
— А вы счастливые...—
вздыхает.

Я соглашаюсь:
— Иногда.

* * *

Льдины, растаяв,
становятся синью в реке.
Птицы, взлетая,
становятся стаей упругой.
Дети,
рождаясь,
кричат на одном
языке,
заклиная взрослых людей
понимать
друг друга!

ДОМИК ПЕТРА ПЕРВОГО В СААРДЕМЕ

В этом домике укачивает,
как на корабле.
Даже сильных здесь подташнивает,
слабых —
долу клонит.
Переплет пудовой книги
на малюсеньком столе.
В этом доме жил когда-то Петр Алексеев.
Плотник.
Так случается с царями.
Свой у каждого каприз:
юный герцог Вюртембергский
вышивал по шелку чисто.

Обучался танцам кесарь.

Логике — испанский принц.

Плотник Петр Алексеев
строить корабли
учился.

Эта местность

по масштабу

для него была мелка.

Все казалось здесь игрушечным —

и удаль,

и раздолье.

Не хватало глазу

неба.

И земли для сапога.

Было детским топищице

для его большой ладони...

На старинных верфях пахло

морем, тесом и смолой.

А вокруг стояла публика,

на плотника глаза.

Это было так потешно:

царь

орудует пилой!

Так забавно:

царь — и нате! —

с матроснею курит зелье.

Одобрительно кивали головами лоцмана...

А под вечер,

а под вечер, захмелев от третьей чарки,

подтверждала

забудыжная портовая шпана:

плотник Петр Алексеев

любит угощать

по-царски!

Над кабацкими столами

ходуном ходил туман.

С русским бешеным детиной

было ссориться опасно.

Хохоча,

во время танцев

так девиц он обнимал,

словно выдавить хотел их из корсетов,

будто пасту!..

И опять наутро вкалывал

на солнце молодым!

Злился,
ежели от мастера за дело попадало...

Это будет позже, после.
Это будет все

потом —
и конфузия под Нарвой
и победная Полтава.
Это после встанет город,

задевая облака,
над Невою,
на останках слепенькой чухонской мызы.
Это будет позже.
Будет
непременно!

А пока
на спине державной, царской
каменно бугрятся мышцы.
По плечам царя струится и блестит
мужицкий пот.

И глядят на это диво
саардемские разини...

Ах как распахнется после
непотешный русский флот!

Поплывет по океанам
непотешная Россия!
Наплевав на все наветы,
утвердится на земле.
С тысячью смертями

знаясь,
с тысячью штормами
споря...

В этом домике
укачивает, как на корабле.
И войти в него сегодня —
все равно, что
выйти в море.

ДОЛГИ

Пришла ко мне пора
платить долги.
А я-то думал,

(Я столько должен ей,
что страшно вспомнить!..)

— Плати долги!..

Плати долги, чужак!..

Давай

начистоту судьбу продолжим...

Плачу.

Но каждый раз

выходит так:

чем больше отдаешь,

тем больше

должен.

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

До крайнего порога

вели его,

спеша,—

алтайская порода

и добрая душа...

Пожалуйста, ответьте,

прервав

хвалебный вой:

вы что—

узнав о смерти,—

прочли его

впервой?!

Пожалуйста, скажите,

уняв

взыгравший пыл:

неужто он при жизни

хоть в чем-то хуже

был?!

Поминные застолья,

заупокойный звон...

Талантливей,

что ли,

стал

в черной рамке

он?!

Убийственно-жестоки,
намеренно-горьки
посмертные
восторги,
надгробные
дружки.
Столбы словесной пыли
и фимиамный дым...

А где ж вы раньше
были—
когда он был
живым?

ПРОГРАММИСТАМ, ОБУЧАЮЩИМ ЭВМ

Проводов натруженные жилы.
Алгоритмов сомкнутая мощь.
Учится

писать стихи
машина.

Я не против.
Я могу помочь.
Я ее программы
не нарушу,
одобряя стихотворный зуд...

Только
мало — в рифму.
Надо — в душу.
Рифмы рифмами.

Не в этом суть...
Пусть же, как положено,
вначале

втиснутся
в машинные зрачки
уравненья
счастья и печали,
формулы
удачи и тоски.

Но однажды пусть
она, машина,
осадив
свой электронный бег,

зная все конструкции снежинок,
тихо спросит:

«Что ж такое снег?...»
«Как это возможно—
запах детства?...»

«Почему вам снится скрип саней?...»
И пускай

непостижимо тесно
в ящике железном
станет ей!
Пусть она,
как мы,
почует ветер.

Испытает пусть,
к земле склоняясь,
зависть к тем,
кто жил до нас на свете.

Ревность к тем,
кто будет после нас.

(Это сделать непременно стоит,
если уж всерьез
учить ее...)

Пусть она—
хотя бы раз—
застонет,

ощутив бессилие свое.
Поднимаясь на дыбы ершисто,
собственный
обозначая путь,

пусть она
единожды
решится
(не подумав!)
сделать что-нибудь.
Пусть потом опомнится.

Остудит
мозг несметный.
Но — ему назло,—
проклянув себя,
опять поступит

глупо,
нелогично
и светло!

Спутает, что важно,
что не важно.

Он у нас —
                    единственный!
Нужный в нашей жизни.
Без него —
                    погибель!
Бог ему судья...
Мы,
            повесив вора,
                    кузнеца лишимся!

Выйдет,
что накажем
                    мы
                    самих себя!
Вдумайтесь!...»
И люди снова зашептались.
Спорам и сомненьям
                    не было конца...

И тогда поднялся
самый главный
старец:
«Правильно!
Не надо
            вешать кузнеца!..
Пусть за свой проступок
                    он заплатит деньги!..

А поскольку
этот разговор возник, —
есть у нас
            два бондаря.

Двое!
И —
            бездельники!..
Лучше мы повесим
одного из них...»

Умные селяне
            по домам расходятся.
Курят.
Возвращаются
            к мирному труду...
Кузнецом единственным
быть мне
очень хочется!

Если
ненароком
лошадь
украду.

* * *

Надо ж, почудилось.
Эка нелепость!
Глупость какая!..

Два Деда Мороза
сидятся в троллейбус.

Оба —
с мешками...
Рядышком

в нимбе из снежного пара
с удалью злою
Баба Яга посреди тротуара
машет метлою.

На гору
с видом таинственно-мудрым
лезут трамваи...
Кто-то сказал,
что в кондитерской утром
«Сказку» давали...

Вечер,
заполненный чудесами,
призрачно длится.
Красная Шапочка

ждет под часами
звездного принца...
И, желваки обозначив на скулах,
выкушав водки,
ходят

в дубленых овечьих шкурах
Серые Волки.

* * *

Все начинается с любви...
Твердят:
«Вначале

было
слово...»

А я провозглашаю снова:
Все начинается
с любви!..

Все начинается с любви:
и озаренье
и работа.
Глаза цветов,
глаза ребенка —
все начинается с любви.

Все начинается с любви.
С любви!
Я это точно знаю.
Все,
даже ненависть —
родная
и вечная
сестра любви.

Все начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.

Трагедии,
тоска
и подвиг —
все начинается с любви...

Весна шепнет тебе:
«Живи...»
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается с любви!

СЛАДКА ЯГОДА

Сладка ягода в лес поманит,
свежей спелостью удивит.
Сладка ягода одурманит,
горька ягода
отрезвит.

Ой, крута судьба, словно горка,
доняла она,
извела.
Сладкой ягоды —
только горстка.
Горькой ягоды —
два ведра.

Я не ведаю, что со мною,
почему она так растет —
сладка ягода
лишь весною,
горька ягода —
круглый год...

Над судьбой моей ты посмейся,
погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду рвали вместе,
горьку ягоду —
я одна.

НАДПИСЬ

С пересудами не знаясь,
их заранее терпя,
на стене
сияла надпись:
«Элка,
я люблю тебя!..»
В ней была и боль и жадность.
В ней
торжественность была.
И сама стена, казалось,
от волнения
росла...

Уважаемая Элка,
в центре города Москвы
во дворе
грохочет эхо.
Виноваты в этом
вы.
Не видал я вас ни разу,
только с вами наравне

автора
    великой фразы
одобряю я вполне.
Славлю
буковки живые,
принимаю целиком...
Ведь сегодня он —
                    впервые! —
сформулировал закон.
Самый четкий,
            самый добрый,
необъятный, как весна.
Вывел формулу,
в которой
жизнь людей
            заключена.
Написал ее просторно
вам —
и больше никому.
Пусть
Эйнштейны и Ньютоны
позавидуют ему!
Я хочу,
        чтоб этот сполох,
я хочу,
        чтоб этот свет
вдруг увидел археолог
через много
тысяч
лет!..
Двор,
        кипящий, будто Этна,
в синих сумерках
увяз...

Вы ответьте парню,
                    Элка.
Элка,
умоляю вас!

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ

«Так сколько ж ей?..»

«И в самом деле

сколько?..»

А женщина махнет рукою
и
промолвит нараспев —
светло и горько:
— Зачем считать напрасно?
Все —
    мой...—
А после выпьет
        за друзей пришедших.
И будет излучать
высокий свет...

Есть только дни рождения
        у женщин.
Годов рождения
у женщин
нет!

ПЕСНЯ О ГОДАХ

Пусть голова моя седа,—
зимы мне нечего пугаться.
Не только груз —
        мои года.
Мои года —
        мое богатство.

Я часто время торопил,
привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил.
Мои года —
        мое богатство.

Шепчу «спасибо!» я годам
и пью их горькое лекарство.
И никому их не отдам!
Мои года —
        мое богатство.

А если скажут мне века:
«Твоя звезда — увы — погасла...» —
подымет
        детская рука
мои года —
мое богатство.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Что же такое «мы»?..»	3
Баллада о зенитчицах	4
«Та зима была, будто война,— лютой...»	6
«Война откатилась за годы и гуды...»	7
Мгновения	8
«Неправда, что время уходит!..»	9
Баллада о телефонных звонках	11
Ксении	13
Хиросима	15
Разговор о снеге с семилетним Ка Саном, сыном сингапурского поэта	
Го Бо Сена	16
«Льдины, растаяв, становятся синью в реке...»	17
Домик Петра Первого в Саардеме	17
Долги	19
Памяти Василия Шукшина	21
Программистам, обучающим ЭВМ	22
«Кромсаем лед, меняем рек течение...»	24
Сказка о кузнеце, укравшем лошадь	24
«Надо ж, почудилось...»	27
«Все начинается с любви...»	27
Сладка ягода	28
Надпись	29
День рождения женщины	30
Песня о годах	31

Роберт Иванович Рождественский

МОИ ГОДА

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор В. Н. Веселовская.

Сдано в набор 30.03.82. Подписано к печати 11.06.82 А 11618
 Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,81.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 1095. Зак. № 2286. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
 ул. «Правды», 24.

ВСЕ ДЛЯ ПОХОДА!

Любой предмет — от кружки до
палатки —
можно взять напрокат:
спальные мешки, надувные матрацы
и рюкзаки, ракетки, лыжи и мячи,
транзисторы и магнитофоны,
посуду,—
все, что сделает отдых туриста
комфортабельным и интересным.

**ВСЕ ДЛЯ ТУРИСТА —
В САЛОНАХ И ПУНКТАХ ПРОКАТА!**

Росбытреклама